

Глава 1

Молодой человек в сером твидовом костюме, сидевшем на нем нескладно, словно с чужого плеча, остановился перед дверью старого особняка, в котором располагался морг, чтобы перевести дух, и оглянулся, словно ища поддержки у мокнувших под дождем древних разросшихся лип. Промозглый октябрьский день, синий воздух, пузырящиеся лужи, в которых плавали мертвые желтые листья, горьковатый запах осени — все это как нельзя более подходило для встречи со смертью...

Он в последний раз вздохнул и вошел в пропитанный запахом карболки длинный узкий коридор, освещенный тусклым желтоватым светом ламп. Где-то здесь, совсем рядом, находилась ОНА. И если бы не крупная, похожая на малину родинка на бедре...

Он снова остановился, не в силах толкнуть перед собой уже следующую дверь, за которой его ждали. «Вы должны поехать для опознания...»

Кому он должен? Ей? Вероятно, но она сама выбрала этот путь, так что нечего тут искать виноватых. Каждый волен распоряжаться своей жизнью по собственному желанию. Она была взрослой девочкой и вполне здраво оценивала все, что происходило с нею в последнее время. Стало быть, надо как можно скорее покончить с формальностями, а именно — увидеть ее, чтобы сказать: да, это она.

Ведь она же не дворняга какая, у нее было имя, и она имеет право, как любой другой человек, на достойное погребение.

Он распахнул дверь и зажмурился от яркого света и совершенно убийственного, тошнотворного запаха...

К нему тотчас подошел человек в белом халате, поверх которого был повязан темно-зеленый, в бурых пятнах, клеенчатый фартук. У этого мясника-доходяги (плоского, будто камбала, и явно страдающего болезнью желудка) было красное, словно у алкоголика, лицо с выпуклыми голубыми глазами, бесстрастно глядящими сквозь стекла очков, тонкий с горбинкой нос, бледные губы-ниточки и смешно торчащий подбородок. Редкие и пушистые, как цыплячий пух, волосы его были растрепаны.

— Идите за мной, — произнес человек бесцветным голосом, делая знак следовать за ним.

В соседней комнате, огромной, с матовыми овальными окнами, голубеющими на фоне всего белого и яркого от слепящих ламп, на столе лежала женщина. Голова ее была покрыта влажной марлевой салфеткой. Когда человек в фартуке приподнял салфетку, посетитель едва не лишился чувств: у женщины не было лица, вернее, на том месте, где должно было находиться лицо, полностью отсутствовала кожа. Но он узнал покойницу, узнал ее по волосам, хотя они мало походили на то золотистое облако, которым восхищались ее мужчины... Теперь это была бесформенная, мокрая, спутанная волосяная масса с застрявшими в ней веточками, листочками, травинками... Узнал он и ее тело, некогда белое и нежное, а теперь напоминавшее увеличенную в размерах тряпичную куклу, покрытую плесенью и поврежденную в некоторых местах чем-то острым...

— Господи, ее что, пытали? Что это за ужасные рваные раны? А эти синяки? Скажите, это было сделано при жизни?

Он даже не слышал, что ему ответили. Он вдруг сжался, словно все эти раны и ссадины переместились на его тело и теперь больно саднили.

Он не отрываясь смотрел на потемневшую родин-

ку на ее бедре — словно переспевшая ягода малины прилипла и вросла в кожу.

— Странно, что они не вырезали ее, — с профессиональным цинизмом заметил человек в фартуке. — Может, тот, кто это сделал, просто не знал о ее существовании... Ведь по ней проще всего опознать... Непонятно, зачем было тогда так уродовать лицо... Вы можете назвать имя этой женщины?

— Могу, — молодой человек с трудом разлепил губы и замотал головой. — Ее звали Людмила...

* * *

«У меня была сестра. И вот теперь она умерла. Ее звали Мила. И я не знаю, кто виноват в том, что так случилось, ведь у нее в жизни было все для того, чтобы стать счастливой. А теперь из-за нее мне придется покинуть рай. Я не преувеличиваю. Тот, кто пожил на острове Мэн, знает, что такое настоящий рай. Мне было здесь спокойно все эти годы. Я знала, что каждое последующее утро принесет мне новые силы, новое ощущение полноты жизни, которое просто переполняет меня, словно теплый мед в прогретых сотах... Вы можете меня осудить, но я прошла нелегкий путь, прежде чем оказаться на этом чудном краю света. Под окнами моего трехэтажного дома полыхают яркие цветы, с океана дует свежий соленый ветер, и все вокруг дышит покоем и пресыщенностью. Да, я так, наверно, никогда и не привыкну к этому новому существованию. Моя прежняя жизнь снится мне, и я просыпаюсь по ночам со стучащими от нервного озноба зубами. С воплями «Я так больше не могу!» или «Я ненавижу вас!» бегу на кухню, где глотаю снотворное... Но эти приступы случаются все реже и реже. Скоро наступит полный штиль, и я забуду о своем прошлом.

Мила? Она раздражала меня уже тем, что вообще родилась. Ее, похоже, никто и не ждал. Она появилась на свет в результате случайной ссоры наших родите-

лей, которая плавно перешла в перемирие. Мой отец заперся в спальне с моей плачущей матерью вечером, часов в семь, а вышли они оттуда уже утром, и это после пяти лет холодной войны, во время которой они спали в разных комнатах и вели себя как форменные идиоты, вынужденные жить под одной крышей лишь для того, чтобы создать видимость нормальной семьи. Ради меня, единственной дочери, которая должна расти с матерью и отцом. И это при том, что их никто об этом не просил. Мне, во всяком случае, эти жертвы были ни к чему. Другое дело, что разменять квартиру и начать жить разными жизнями было почти невозможно в силу инертности моих родителей. В сущности, они были очень похожи друг на друга и, быть может, именно поэтому и не находили общего языка. Каждый из них старался возложить на другого ответственность за все, что происходит в семье, а в результате за все отвечала я. Я никогда не была похожа ни на свою мать, ни на отца. Я была сама по себе, и моя сестра пошла, если можно так выразиться, в меня. Быть может, я всегда недолюбливала Милу уже из-за того, что именно ее рождение и повлекло за собой те многочисленные болезни, от которых в конечном итоге умерла моя мать, а потом спился и повесился отец. Хотя умом-то я понимаю, что она здесь, конечно же, ни при чем. Просто так уж все случилось... И вот теперь умерла Мила. Мне сообщили об этом рано утром второго октября, а человек, позвонивший мне домой, представился не кем иным, как мужем Милы. А ведь я и понятия не имела, что она замужем. Я вообще не могу себе представить ее замужем, поскольку надо знать Милу, чтобы предположить такое. Он сказал, что похороны сестры назначены на 4 октября и что, если захочу, я смогу успеть. Но самое главное, что Милу собираются похоронить в Москве, хотя она никогда не жила в Москве, ведь мы с ней родились и выросли в С.! Неужели я недооценила свою сестру, и она, вопреки моему представлению

о ее образе жизни, вышла замуж и переехала в столицу?

Вам может показаться, что я слишком болезненно отношусь к «провинциальному» вопросу, но для меня он был решающим пять лет тому назад, когда я, закрыв глаза на свое прошлое и настоящее, в буквальном смысле этого слова, вытряхнув из теплой постели своей сестры ее жениха, Вика, повезла его в аэропорт, откуда мы вылетели в Москву... Почему именно Вика? Мне довольно трудно будет это объяснить, поскольку это можно только прочувствовать. А я всегда чувствовала, что мы с ним сделаны из одного материала и что только с его помощью я смогу вырваться из нашего зловонного провинциального городишки с тем, чтобы потом вскарабкаться на самый верх... Верх ЧЕГО, спросите вы? Слово «верх» всегда ассоциировалось у меня с независимостью. А стать свободной в полном смысле этого слова можно только с помощью денег. И я, и Вик — мы оба прекрасно понимали это. Вот только Мила этого не понимала. Деньги ее вообще никогда не интересовали. Она много работала, но практически никогда не требовала за это денег. Мила — была... Боже, какое безысходное слово — «была»... Мила была фотографом».

* * *

Стройная шатенка, закутанная почти до бровей в черную газовую траурную шаль, пересекла центральный зал лондонского аэропорта Хитроу и замерла возле рекламного стенда, как если бы ее окликнули. Медленно повернув голову, она встретилась глазами с догонявшим ее высоким молодым мужчиной, одетым в зеленую вельветовую куртку и песочного цвета брюки. Он смутился и растерянно улыбнулся.

— Гаэль, я не просила провожать меня... — сказала по-английски женщина, чувствуя, как щеки ее, вопреки усилиям воли, запылали: присутствие молодого мужчины здесь, в этом огромном аэропорту, с одной

стороны, сковывало ее, а с другой — возбуждало. — Мы же с тобой договорились...

Она подошла к нему и провела рукой, затянутой в черную замшевую перчатку, по его щеке. Ей вдруг подумалось, что она видит его в последний раз, и сердце ее больно кольнуло. Вот когда ей позвонил человек, представившийся мужем Милы, ее сердце никак не отреагировало на известие о смерти сестры, зато сейчас, когда она прикоснулась к Гаэлю, оно трепыхнулось...

Гаэль Мартен — чистокровный англичанин — был нанят Анной полтора года назад при очень странных обстоятельствах. Выпускник Миддл-Темпл-холла, готовящего адвокатов, Гаэль был почти насильно привезен на остров Мэн своей новой знакомой, русской женщиной по имени Анна Рыженкова, с которой он познакомился в Дерби на скачках. В тот июньский день многих англичан увезли оттуда с сердечными приступами, результатом бесчисленных пари, заключенных на этих всемирно известных скачках. Анна же выиграла тысячу фунтов и на радостях подарила их своему соседу, симпатичному молодому англичанину, явно проигравшемуся в пух и прах. Гаэль, так звали парня, находился в таком состоянии, что он сначала не понял, что вообще произошло и каким образом он оказался в машине незнакомой, но чрезвычайно привлекательной женщины, и пришел в себя только у нее дома, когда она на неизвестном языке пыталась что-то втолковать ему, размахивая перед его носом пачкой фунтов стерлингов. Девушка в белом переднике, явно горничная, перевела, что леди собирается подарить ему тысячу фунтов, если он погостит у нее три дня. Предложение было более чем странным, но Гаэль согласился. Возможно, причиной подобного решения была красота этой женщины, а быть может, и то, что у него оставалось еще десять дней до окончания отпуска, который ему предстояло провести в скучном обществе родственников, живущих в Шотландии. Анна была старше его на пять лет и всем своим поведением

напоминала скучающую леди, готовую на все ради новых ощущений и удовольствий, способных заставить забурлить застоявшуюся кровь. Но Гаэль здорово просчитался. Вместо секса, на который он настроился буквально в течение нескольких минут после того, как ему было сделано это необычное предложение, он получил первый урок русского языка. Анна поила его чаем на лужайке перед домом и заставляла повторять русские слова. И он повторял. Он не узнавал самого себя. В результате этих странных лингвистических упражнений он усвоил несколько приличных и неприличных русских выражений и только после этого, вечером третьего дня, был допущен в спальню к хозяйке, где смог наконец удовлетворить терзавшие его эти три дня желания. Русская женщина оказалась на редкость чувственной и веселой, хотя немного чудакотой, словом, не без странностей.

Утром четвертого дня она дала ему обещанные тысячи фунтов и предложила работу в своей компании. Услышав название, он понял, что то, что он принял за случай, на самом деле явление вполне закономерное, и что Анна Рыженкова оказалась на скачках в Дерби из-за него, Гаэля Мартена. Он вспомнил, как еще полгода тому назад ему пришло письмо с острова Мэн от представителя компании «Motor Compani Agents Ltd.» с предложением занять место секретаря с юридическим образованием. Но письмо пришло так некстати — в то время Гаэль переживал свое первое фиаско на адвокатском поприще и находился не в лучшей психологической форме, — что о положительном ответе компании не могло быть и речи. Потом у него появились новые клиенты, новые дела, и про письмо он забыл. И вдруг теперь снова всплыло это название и предложение работы!

— Но почему именно я? — спросил он Анну, понимая, что ее настойчивое желание во что бы то ни стало заполучить его к себе на службу не может основываться на его деловых качествах и уж тем более на

его репутации как адвоката, поскольку он в этом плане ничего стоящего пока не представлял.

— Мне нужен верный человек, и я чувствую, что вы мне подходите... — ответила она на плохом английском и посмотрела на него тяжелым, но в то же время полным надежды взглядом.

— Но вы же меня не знаете! — вскричал уже совершенно сбитый с толку Гаэль, отказываясь что-либо понимать вообще.

— Ты был со мной в Москве, помнишь Вика? Ты останавливался у него, и мы в тот вечер много говорили... Вик сказал, что ты хороший парень, ничего, что англичанин... А еще он обещал тебе, вернее, твоему отцу найти настоящую русскую саблю... Ведь твой отец живет в Берлине?

И Гаэль вспомнил все: и Москву, и черноволосого, беспрестанно хохочущего Вика, и вкус русской водки, и даже вкус женских губ... Вот только лицо женщины, с которой провел тогда ночь, он вспомнить так и не смог.

— Так это была ты?

— Я. И я нашла тебя.

И Гаэль согласился работать на компанию, директором которой была Анна. Но только спустя три месяца он понял, почему Анна выбрала именно его. Ей необходим был человек, хорошо знающий английские законы, чтобы с его помощью и полностью полагаясь на него, идти намеченным ею путем. И когда Гаэль Мартен понял это, отступить было поздно. Он уже полностью принадлежал Анне.

* * *

— У меня такое чувство, что мы больше не увидимся... Ты останешься в Москве?

Она зажала ему рот ладонью и нахмурила брови:

— Что за чушь ты несешь, Гаэль?! Я еду на похороны моей сестры, ты же прекрасно знаешь...

— Но ты никогда не рассказывала мне о своей сестре... Мне кажется, что ты сбегаешь...

— Разве так сбегают? Посмотри на меня, я еду с одной дамской сумкой и зонтиком! Я вернусь, я не могу не вернуться, поскольку только здесь моя настоящая жизнь.

— А Вик? Он знает о том, что ты приезжаешь в Москву?

— Откуда мне знать, если мне неизвестно даже имя мужа Милы. Он не представился, я знаю лишь адрес их квартиры... Гаэль, прошу тебя, не паникуй...

— Почему ты едешь без меня? — Он чувствовал свое унижение, но ничего не мог с собой поделаться: Анна ускользала от него, оставляя его ОДНОГО расхлебывать эту кашу... — Ты же знаешь, что мы висим на волоске, что достаточно одного дня, чтобы мы взлетели на воздух... Эти люди...

— Какие люди, о чем ты?

— Я не хотел тебе говорить...

Но он так и не успел ничего сказать — объявили посадку.

— Я тебе позвоню... — И она растворилась, исчезла, как сон.

Гаэль оглянулся — ему снова показалось, что за ним кто-то наблюдает.

* * *

«В самолете мне так и не удалось заснуть. Я думала о Миле, о том, что меня ждет в Москве, о предстоящих похоронах и вопросах, которые могут последовать в связи с моим приездом. Родственников, понятное дело, не будет. Будет только вдовец, муж Милы, с которым мы скорее всего обменяемся дежурными фразами по поводу внезапной кончины Милы... Он сказал, что она умерла, и все. Не мог объяснить, что с ней случилось. Может, автокатастрофа, а может, не разродилась, такое тоже бывает. Если они жили в Москве, то Мила наверняка работала фотокорреспонден-

том в какой-нибудь газете или журнале. Во всяком случае, Мила была не таким человеком, чтобы сидеть дома без дела. У нее был настоящий зуд по части фотографирования, она постоянно что-то снимала, проявляла, носилась с фотоаппаратом по городу и выискивала какие-нибудь необычные сюжеты. Денег, которые она выручала за свои снимки, продавая их в местные с-кие газетенки, едва хватало на пленку, причем черно-белую, поскольку на цветную денег не было никогда. Сестра наплевательски относилась к себе, ходила черт-те в чем, питалась как попало, зато спала подолгу, за счет этого и набиралась сил. И вообще она была странная, эта Мила. Но редкий мужчина проходил мимо нее, не обернувшись. Очевидно, было в ней что-то такое, на что я не обращала внимания, а потому никак не могла понять, чем же она их так привлекает. Возможно, это были длинные светлые волосы. Но она так безалаберно к ним относилась, собирая их на макушке какой-нибудь детской заколкой, что их почти не было видно. Зеленые глаза? Обычные глаза, немного раскосые. Нос маленький, слегка вздернутый, словно у куклы. А губы? Губы у нее в отца — большие, пухлые... Губы у нее были красивые.

Я пыталась представить себе Милу в гробу. Мертвый ангел. Да, она была похожа на ангела, каких рисовали в начале прошлого века, — тонкая, изящная, белокожая, светловолосая, со светлыми глазами и тонкими чертами лица. Но самым ангельским в ее облике, пожалуй, было кроткое выражение лица. Оно обезоруживало. Людям, а тем более женщинам, с таким выражением лица прощалось все.

Но только я ее простить не могла. И как вообще можно простить такое?

Мысли мои вновь и вновь возвращались к событиям почти пятилетней давности, когда в нашей жизни появился Виктор. Мы звали его просто Вик.

Все началось с того, что однажды Мила проявила пленку, напечатала двенадцать фотографий, с кото-

рых на нас смотрел улыбающийся молодой мужчина в джинсах и с золотой цепью на волосатой груди, и сказала, что это ее парень. Я сначала не поверила собственным ушам и, уж тем более, глазам. Чтобы эта серая мышка сумела заполучить себе в любовники такого роскошного мужчину — да у меня это просто не укладывалось в голове! Но уже утром следующего дня я увидела его входящим в нашу квартиру с чемоданом.

— Он будет жить здесь, — произнесла Мила самым естественным тоном, как если бы речь шла о том, куда ей лучше поставить только что купленный шкаф или табурет. А ведь ей в ту пору было всего пятнадцать, и она до этого времени была, по моим наблюдениям, девственницей. И чтобы я поняла, что она не шутит и что это вполне серьезно, она добавила: — Мы проживем немного в гражданском браке, а потом поженимся.

Сказала и скрылась со своим парнем в своей комнате. Помнится, я тогда долго стояла посреди кухни, не в силах вообще что-либо предпринять. Она поставила меня уже перед фактом, меня, свою старшую сестру, которая имела куда больше прав в этом доме хотя бы потому, что мне тогда было двадцать шесть лет, и это я должна была первой привести в дом мужчину. Я собиралась было уже ворваться в ее комнату и сказать ей все, что я думаю по этому поводу, но в это время в дверях появился Вик с бутылкой вина в руках. Лицо его сияло, глаза улыбались, он был счастлив и не мог не раздражать меня...

— Тебя зовут Анна? — спросил он, обращаясь ко мне сразу на «ты»; он подошел настолько близко ко мне, что я почувствовала исходивший от него специфический мужской запах, который взволновал меня. Я уж не знаю, что со мной произошло, но я ему тоже улыбнулась и даже протянула руку, чтобы поздороваться или познакомиться, как уж выйдет...

— Да, а тебя Виктор?

— Друзья зовут меня просто Вик. Ты не думай, я

не бездельник, я зарабатываю вполне прилично, так что на троих хватит. С голоду, сестрички, не помрете...

У меня не хватило духу спросить его, где они познакомились и сколько времени встречались, прежде чем приняли решение жить вместе, но тогда это уже не имело никакого значения... Он пришел, и что-либо изменить было уже невозможно. Моя сестра, оказывается, выросла и превратилась в женщину. Но, зная ее, мне почему-то было радостно на душе, когда я думала о том, каким тяжким испытанием окажется для Вика их совместная жизнь. Ведь Мила ничего не смыслила в домашних делах. Сварить суп для нее было великим подвигом, причем взять это варево в рот было невозможно: пережаренный лук и слишком много соли. Белье постельное мы относили в прачечную, а носильные вещи Мила стирала в крохотной машинке... Быть может, поэтому у нее так быстро все изнашивалось, и она ходила в потрепанных джинсах и рваной майке.

Я, в отличие от сестры, вела совершенно иной образ жизни. У меня был мужчина по имени Игорь. Он был значительно старше меня, и мне было с ним легко... И если бы не его внезапная смерть, возможно, ничего бы и не было...»

* * *

В Москве шел дождь, но Анна не чувствовала его. Выйдя из такси прямо на Красной площади, она несколько минут простояла, забыв о существовании зонта, и была не в силах сдвинуться с места, пока какой-то прохожий не тронул ее за руку:

— С вами все в порядке?

Позже она бродила по московским улочкам, вспоминая свою жизнь с Виком и все то, что произошло после их разрыва. Разве могла она предположить, что вернется сюда, да еще по такому скорбному поводу?

Она улетала отсюда, как птица, выпущенная на свободу и еще не растерявшая своих сил...

Москва изменилась, заиграла чистыми красками европейских витрин, засияла рекламными щитами, приобрела капиталистический лоск и дорогие декорации... Но из русских газет, которые Анна регулярно читала у себя на острове Мэн, она прекрасно знала, насколько временно это затишье, насколько обманчивы переполненные немецкими и французскими консервами магазинные полки, насколько смешны иллюзии соотечественников в отношении грядущих перемен... Страна всеобщего благосостояния была хороша только в представлении Хэрлуфа Бидструпа.

Ностальгические чувства были непонятны Анне, больше того, к обеспокоенности по поводу цели ее визита в Москву примешивался почти животный страх быть схваченной прямо здесь, в центре города, и увезенной куда-нибудь в следственный изолятор. Умом она понимала, что все эти страхи вызваны лишь ее еще вчерашней изолированностью от своей бывшей родины и тем количеством негативной литературы, которую она просматривала, интересуясь Россией. Но, с другой стороны, здесь, в этом воздухе, еще витал застарелый запах другого страха, который просто-таки перехватывал горло и мешал дышать в те зимние дни девяносто четвертого, когда она сбросила наконец с себя все обязательства и, не оглядываясь, кинулась навстречу другой жизни...

Она приехала на Солянку и вошла в подъезд незнакомого ей дома, поднялась на второй этаж и остановилась, дрожа всем телом, перед дверью, за которой ей предстояло увидеть свою покойную сестру. Крышка гроба, красная, окаймленная черными кружевами и стоящая слева от двери, свидетельствовала о том, что она не ошиблась адресом...

«Возьми себя в руки, в конце-то концов... Через какие-нибудь несколько часов все будет кончено, ты освободишься, выпьешь пару рюмок коньяку за упо-

кой души рабы Божьей Людмилы и уже завтра вернешься домой...»

Она нажала на кнопку звонка и замерла, прислушиваясь к звукам, доносящимся из квартиры.

Дверь открыл молодой крепкий мужчина в черном свитере.

— Вы Анна Рыженкова? — спросил он низким хриловатым голосом и внимательно посмотрел ей в глаза. — Вы сестра Милы?

— Да, это я...

Ее била дрожь, которую просто невозможно было унять. Дрожь эта шла откуда-то изнутри и мешала говорить. Челюсти ее свело судорогой, а язык отказывался повиноваться.

— Входите...

И тут случилось невероятное: мужчина, больно схватив ее за руку, втянул Анну в квартиру и свободной рукой принялся запирать двери (их оказалось две!) на все замки. На это ушло около минуты, и все это время Анна боялась пошевелиться. Ей не верилось, что то, что с ней сейчас происходит, — реальность. Она зажмурилась, но, когда открыла глаза, ничего не изменилось. Разве что стало светлее — мужчина включил лампу. Они стояли в прихожей, за дверью которой просматривалась часть большой мрачной комнаты... Шум дождя был настолько громок, что, казалось, за порогом уже начинается улица. Да и пахло в квартире не покойником и церковными свечами, а сыростью, мокрыми листьями, осенью...

— Что это вы меня так больно схватили? Отпустите сейчас же... Где Мила? Где стоит гроб?

Но мужчина, не отпуская ее, втолкнул в комнату и почти отшвырнул от себя, да так, что она упала в кресло и даже вскрикнула от неожиданности.

— Как тебе поживается на твоём волшебном острове, птичка?

Мужчина был метра под два ростом, черноволос, широк в плечах, а бледным непроницаемым лицом походил на киношного зомби.

— Вы кто? Муж Милы? Что происходит и кто вам позволил так обращаться со мной?

— Ты будешь звать меня Матвеем, но это лишь в том случае, если останешься живой. А вот оставим ли мы тебя живой или нет, зависит теперь только от тебя...

«Прав был Гаэль. Я никогда больше не вернусь к нему...»

Она зажмурилась, но это не спасло ее от удара, который обрушился на ее голову. Затем ее больно ударили по лицу, и она почувствовала, как из носа хлынула теплая соленая кровь...

— Что вам от меня нужно?

— Для начала вот что...

Она не поняла, как оказалась на полу. Резкими движениями мужчина, назвавшийся Матвеем, задрал ее юбку и принялся торопливо расстегивать свои брюки. Она закрыла лицо руками и замотала головой, чувствуя, как его тело наваливается на нее...

— Можешь сходить в ванную, она там... — сказал он позже, перешагивая через нее и чуть ли не задевая ее голые бедра своими грязными грубыми башмаками. — У нас очень мало времени.

В ванной ее вырвало.

Белье было безнадежно испорчено, разодрано... Она вымылась под душем и вернулась в комнату лишь в юбке, блузке с жакетом (траурную газовую шаль она спрятала в сумку, чтобы лишний раз не раздражать Матвея) и туфлях. Она чувствовала, как стынут бедра, словно ей под юбку забрался ветер...

Матвей курил, сидя в кресле. Он молча предложил ей сесть в соседнее кресло и начал говорить:

— Я все про тебя знаю. Это для начала. А теперь немного фактов. Итак, Нормандские острова и остров Мэн представляют собой подвластные Великобритании территории, НЕ являющиеся частями Соединенного Королевства... Однако, поскольку британское министерство внутренних дел отвечает за международные отношения островов по вопросам

правового взаимодействия, то, следовательно, имеет право делать представления островам в плане взаимопомощи с другими государствами, а сами острова несут полную ответственность за выполнение запросов на территории, находящейся под их юрисдикцией. Не так ли, леди?

Она почувствовала, как ее бросило в жар. Контраст между тем, что он несколько минут назад проделывал с ней на полу, и этими казенными фразами мог свести с ума кого угодно, но только не ее. Она понимала абсолютно все. Она изучала все это долгими месяцами вместе с английским и французским языками, когда собиралась на остров... А Матвей продолжал:

— Я знаю, кто был первыми подписчиками и акционерами компании «Motor Compani Agents Ltd.» сокращенно «МСАЛ». Они были допрошены нашими людьми в качестве свидетелей по уголовному делу. Кроме того, нами были изъяты соответствующие документы и допрошены лица, причастные к учреждению и продаже ВАМ, Анна Рыженкова, этой компании. Мы взяли под контроль все посреднические операции, в которых было задействовано несколько британских банков... Что вы на это скажете?

— Я не понимаю о чем вы говорите... — она с трудом разлепила губы. — Что вам от меня надо?

— Дело в том, что у нас собраны практически все доказательства, подтвержденные, кстати, заверенной копией досье на «МСАЛ» из государственного регистра острова Мэн, что похищенные вами пятнадцать миллионов долларов США были перечислены на один из счетов данной компании, а оттуда лично вам, госпожа Рыженкова...

Она вдруг улыбнулась ему, и эта улыбка снова превратила ее в прежнюю, пожалуй, настоящую Анну Рыженкову... Ей вдруг стало смешно. Как нелепо и нелогично излагает этот фээсбэшник свои обвинения, пытаясь взять ее на мушку, насколько по-идиотски звучит в его устах та прекрасная музыка великого обмана, который она позволила себе три года тому

назад и который просто-таки вскружил ей голову своей простотой и гениальностью... Да, все правильно, и даже сумма названа верно, но ему ли, этому бандиту с большой дороги, устроившемуся на тепленькое местечко в ФСБ, рассуждать на тему офшорного бизнеса? Да что он смыслит в этом, черт подери?!

Она вдруг вспомнила свои ощущения, когда ее впервые посетила мысль превратить сбережения вкладчиков своего банка, управляющей которого она в то время была, в свои личные сбережения. Словно наркотик, эта мысль обогатила сознание приторным ядом вседозволенности и безнаказанности, которые лишили ее покоя, поскольку распахнули перед ней ворота светлого и чистого ада, где вместо кошмара и чада от поджаривающихся на сковородах грешников, прогуливались по солнечным цветущим аллеям, рука об руку, все известные банкиры и миллиардеры мира, сколотившие себе состояния на крови своих соотечественников. Деньги не пахнут, это верно, зато с их помощью можно было избавить себя от необходимости каждый день вдыхать вонь мерзейших бомжей в подземке или шарахаться от подвыпивших политиканов на Пушкинской площади, призывающих к оружию, к крови...

И все же самым сладким удовольствием по-прежнему оставалась не столько идея разбогатеть за чужой счет, причем разбогатеть до неприличия, сколько сам процесс обмана и вереница связанных между собой просто-таки блестящих махинаций, при помощи которых она собиралась осуществить свой грандиозный план. Понятное дело, что для этого ей необходимо было найти людей, которые за определенную плату помогли бы ей сначала в составлении подложных кредитных договоров, а уж потом в оформлении документов, подтверждающих банкротство ее банка. Сотни и сотни законов, направленных на упорядочение финансовой системы, повернутые теперь на сто семьдесят градусов, должны были с помощью фаль-

шивых документов поработать на разрушение этой самой системы.

Вик, эта свинья, хотя и преданная, обещал ей помочь в этом, но тоже не бесплатно. И помог. Познакомил с нужными людьми, словом, свел с кем надо, а сам, после того как банк скончался и был погребен под декабрьским снегом, ушел в тень. Более того, он оказался столь порядочен по отношению к своей жене, что сам прислал Анне документы на развод, полностью освобождая ее от оставшихся московских пут. Разве что не проводил в аэропорт...

Она уезжала налегке, вот так же, как и сейчас, одетая в английский костюм и с небольшой дорожной сумкой, в которой, кроме фальшивого паспорта и прочих необходимых документов, лежали зубная щетка, пижама и зонт. Это все. И уже спустя несколько часов она, приземлившись в лондонском аэропорту Хитроу, пересела на такси, чтобы добраться до вокзала Ватерлоу, оттуда отправиться через туннель под Ла-Маншем в Париж, где ее уже ждали настоящие документы и кредитные карты, по которым она смогла получить немного наличных и поселиться в отеле на то время, пока скандал, связанный с ее исчезновением, не утихнет. Кроме того, ей предстояло провести несколько крупных финансовых операций, конечной целью которых было выправление кредитных договоров и покупка контрольного пакета акций компании «Motor Compani Agents Ltd.» сначала на имя доверенного лица, а затем уже и на свое собственное. По документам выходило, что средства на покупку компании получены ею в результате продажи акций крупнейших санкт-петербургских и московских фирм, занимающихся экспортом спиртных напитков в Россию. Как сказал бы Вик — чистая работа.

Из газет и международных новостей по телевизору она, лежа на широкой гостиничной кровати парижского отеля «Эдуард IX», следила за ходом поисков русской банкирши Анны Рыженковой, похитившей у своих вкладчиков около двадцати миллионов амери-

канских долларов, и почти три месяца вздрагивала, когда кто-то звонил или стучал в ее номер. И только пачка фальшивых паспортов, спрятанных на дне дорожного несесера, придавала ей уверенности в том, что ее, быть может, так никогда и не найдут. В России, впрочем, как и везде во всем мире, за деньги можно купить не только десяток паспортов, но и черта лысого. Это она теперь знала наверняка, как знала и то, что на острове Мэн агент по недвижимости подыскивает для нее хороший дом. Словом, все шло по плану.

Первый месяц в Париже она много пила. Сиделась на такси и уезжала на самую окраину, где просила водителя остановиться возле какого-нибудь ресторана, и не выходила оттуда уже до самого утра. Там она поглощала одну рюмку за другой и слушала журчащую французскую речь, сравнивая ее со своим, пока еще отвратительным французским, который она учила еще в Москве с помощью частного преподавателя. Однажды, оказавшись в пригороде Парижа, местечке под названием Севр, она сняла номер в гостинице «Адажио» и поселилась там с молодым парнем, имени которого она позже так и не смогла вспомнить. За бутылкой эльзасского вина он учил ее французскому и вообще много рассказывал о французах и Париже.

Утром, просыпаясь с тяжелой головной болью, она с отвращением смотрела на себя в зеркало, но потом просыпался ее любовник, и все начиналось снова: завтрак в постель, непременно вино, сигареты, блокнот, исписанный французскими словами, и секс в чистом виде.

Она вернулась в Париж похудевшая и нашла, что эта худоба ей даже идет. Избавившись от надоевшего любовника, она поняла, что ей неплохо живется и одной. Утром она подолгу валялась в постели, затем завтракала и уходила бродить по Парижу, обедала где придется и возвращалась в гостиницу за полночь. Заказывала себе ужин в номер и засыпала под звуки телевизора. В сводках новостей об Анне Рыженковой

теперь практически не упоминалось. Об этом же ей сообщал по телефону и Вик, которому она звонила два раза в неделю, чтобы справиться о его делах, не сболтнул ли он кому чего лишнего о своей бывшей жене и не достают ли его спецслужбы, занимающиеся ее поисками. Она звонила на квартиру одного из друзей Вика в строго назначенное время — это была страховка на случай, если телефон Вика прослушивается ФСБ, — и каждый раз, когда она слышала голос своего бывшего мужа, сердце ее вздрагивало. Она так и не разобралась до конца, что же между ними произошло такого, что заставило их расстаться. Они словно пресытились друг другом и захотели свободы...

* * *

Анна смотрела на сидящего в кресле Матвея и, дрожа от пробиравшего ее холода и дискомфорта, связанного с тем, что на ней не было нижнего белья, напивалась ненавистью по отношению к нему. Он не мог не прочесть это в ее взгляде и уже через пару минут после заданного вопроса, смысла которого она так и не уловила, поскольку просто задышалась от злости, он снова ударил ее по лицу.

— Ты так и будешь молчать?

Она расхохоталась ему в лицо:

— Вы несете какую-то ахинею и задаете мне идиотские вопросы, а я должна вам на них отвечать? Это вы мне ответьте, что вы от меня хотите? Ну да, положим, я живу за границей, так что с того? Да, я была управляющей банком «Норд», дальше-то что? Я уже три года назад уехала из страны и живу так, как мне заблагорассудится. Я купила маленький домик на острове Мэн и изучаю право. У меня своя жизнь, а у вас — своя. Я никому ничего не должна...

Она специально бросила в конце эту фразу, чтобы спровоцировать Матвея («эту бестолочь») на новые

потоки объяснений, в которых он плавал, как плавают только что родившийся котенок, брошенный в сточную канаву. Экономические термины, видимо, были его слабым местом.

Она испугалась по-настоящему только тогда, когда на столике, разделявшем их кресла, взорвался телефон, и человек, заговоривший через микрофон (который Матвей специально оставил включенным, так чтобы она смогла услышать каждое произнесенное звонившим слово), сказал, обращаясь к Матвею:

— Ты меня слышишь? Я сейчас выезжаю, у нас мало времени, нас ждут. Папку с документами мы предъявим ей уже на месте, смотри, не упусти ее... Говорят, она стерва еще та и может выкинуть что-нибудь этакое... А нам пора заканчивать с ее делом, и так провозились столько времени! Ты меня слышишь, Матвей? Не спускай с нее глаз, а мы уже выезжаем. Все, общий привет...

Когда раздались длинные гудки, Матвей, швырнув трубку, вдруг сильно схватил Анну за руку и, глядя ей прямо в глаза, неожиданно произнес изменившимся и каким-то вкрадчивым голосом:

— А хочешь, я сейчас же ударю себя бутылкой по голове?

Она смотрела на него, ничего еще не понимая, а когда до нее дошло, ноздри ее затрепетали, и она снова, как много лет тому назад, почувствовала ворвавшийся в комнату вместе с запахами дождя и ветра аромат свободы... Она поняла смысл только что сделанного им предложения.

— Ты хочешь, — теперь уже и она перешла на это сближающее незнакомых людей и даже врагов «ты», — ты хочешь, чтобы я ударила тебя бутылкой по голове? Сколько же ты просишь за то, чтобы дать мне возможность вернуться обратно?

— Немного. Совсем немного. Всего десять тысяч фунтов, в валюте, разумеется... И не в долларах, а именно в фунтах. Ты поедешь к себе и привезешь мне их. А встретимся мы через неделю здесь же, в три часа...

— Одиннадцатого? Но я не успею собрать столько денег, к тому же откуда возьмутся гарантии, что мое дело не будет возобновлено?

— Я отдам тебе папку с собранными нами документами в обмен на деньги.

Она смотрела на него и пыталась найти в его глазах хотя бы какой-нибудь проблеск интеллекта, но не находила. Она видела перед собой ИСПОЛНИТЕЛЯ. И как же она не поняла этого раньше? Ведь у него же лицо полного кретина!

Хотя нет, он даже красив, чрезмерно красив, но вот умом явно не отличается. Его кто-то нанял. Нанял для того, чтобы он сделал ей это вполне конкретное предложение. Ведь все тут — живые люди, которым хочется подержать в руках настоящие английские фунты. Все просто как день.

— Мне не нравится, когда меня принимают за дуру, — как можно спокойнее ответила она, поднимаясь с кресла и направляясь к прихожей. — У тебя нет и никогда не будет папки с теми документами, которые меня интересуют. В лучшем случае ты сделаешь с них ксерокопию, но ведь и я могу с таким же успехом принести тебе в сумочке ксерокопии фунтов стерлингов, и даже цветные...

— Ты привезешь деньги, и настоящие, а я отдам тебе настоящие документы. Иначе тебя найдут в океане с пробитой башкой, вот и все... Есть еще важная, на мой взгляд, для тебя информация: по просьбе моего руководства твоей компанией занимается Интерпол. И ты сможешь в этом убедиться, стоит тебе только вернуться домой... За твоим домом следят, машина запущена... Это не блеф, увы... — он развел руками.

— Тогда тем более, зачем ты предлагаешь мне какие-то вонючие документы, когда, по твоим словам, дело мое — труба?!

От ее напускного спокойствия не осталось и следа. Ее било и колотило, она едва разжимала зубы, чтобы произнести слово. Что-то в ней надломилось...

— **МЫ В СИЛАХ ВСЕ ОСТАНОВИТЬ.** Неужели ты

думаешь, что все десять тысяч я возьму себе? Мне достанется в лучшем случае пять процентов. Так что — решай. Одно дело, когда тебя повяжут и передадут то, что ты награбила, государству, а другое дело, когда лишь незначительная часть твоих денег попадет в карманы конкретных и вполне серьезных людей, которые потратили ох как много времени, прежде чем поймать тебя на этот крючок... И ты останешься на свободе! Ты же не маленькая девочка и прекрасно понимаешь, что даже с оставшимися деньгами ты сможешь ПОТЕРЯТЬСЯ в пространстве... Сейчас приедет человек, который не любит попусту тратить время. Для начала мы тебя повезем в баню, где с тобой попарятся наши друзья, которые всю жизнь мечтали о такой встрече... тем более что некоторые из них были клиентами твоего «Норда»... Вот и представь, во что они превратят тебя... ты просто не доживешь до утра!

Она содрогнулась, представив себе то, что ее ожидает в случае, если она сейчас же не даст согласие и не выберется из этой чертовой квартиры.

— Хорошо, я согласна. А теперь открой мне дверь, мне холодно, ты порвал мне чулки и все остальное...

— Для начала ты мне сделаешь вот так... — он причмокнул губами и принялся расстегивать свои брюки. Она ненавидела этот жест у мужчин. Расстегнуть брюки — это как зарядить оружие, чтобы потом убить, но предварительно унижить страхом, испугать, но потом все равно убить.

Но она понимала также, что стоит ей только отказаться делать эту мерзость, как то же самое ей придется делать другим мужчинам, о которых говорил Матвей... А так, если она подчинится, то уже через час или два будет на свободе. Она выберется отсюда, возьмет такси и поедет в гостиницу, где в первую очередь согреется в горячей ванне, а потом попросит горничную купить ей белье...

Он опустил ее на колени и положил свои руки ей на голову...

Спустя полчаса она сидела в такси и широко раскрытыми глазами смотрела на проносящиеся за окнами черные дома и мокнувшие под дождем деревья... Это была вечерняя Москва, сырая, холодная, кишачная такими вот подонками, как тот, что мучил ее целый день. Москва, пухнувшая изнутри от зловонного смрада полуразложившегося человеческого месива, стонущего от боли и унижения...

Она вспомнила, как, поднимаясь с пола, корчась от боли и отвращения, спросила все-таки своего насильника о сестре, жива ли она и что это за история с ее похоронами, на что получила такой ответ, от которого долго не могла прийти в себя... Он сказал, что ни о какой сестре ему ничего не известно и тем более о ее смерти и похоронах.

— Но разве не вы меня вызвали сюда, вот по этому адресу? — Она непослушной рукой достала из кармашка жакета записку с адресом, который сообщил ей по телефону человек, назвавшийся мужем Милы, и протянула Матвею.

— Я не знаю, кто тебя сюда вызвал, но мы следили за тобой весь последний месяц, и адресок этот срисовал НАШ человек с этой твоей записочки... Кажется, так.

Его ответ был уже из категории абсурда, ведь, если ИХ человек и СРИСОВАЛ этот адрес, чтобы поймать ее, тогда становится непонятным, где же муж Милы, который и сообщил ей этот адрес. Но больше всего Анну мучил вопрос: КТО? Кто из ближайшего окружения предал ее, кто сообщил о том, что ее вызвали в Москву, кто ОТТУДА?..

«Неужели Гаэль?»

Глава 2

«Такси мчало меня к гостинице, и я понимала, что у меня нет ни единой минутки для того, чтобы заехать к Вику, а ведь эту нашу встречу я представляла себе

много раз... Мой самолет вылетал в десять вечера, а потому у меня оставалось лишь часа полтора на то, чтобы привести себя в порядок, согреться, поужинать и позвонить Гаэлю, чтобы он меня встретил. Меня меньше всего волновал вопрос, как я стану ему объяснять свой столь поспешный и неожиданный приезд, поскольку голова была занята более серьезными вещами, такими, например, как предательство одного из моих подчиненных. Я не могла поверить в то, что это Гаэль, слишком уж подлым надо быть, чтобы подставлять человека, который так много для тебя сделал. Да и какой смысл было ему работать на них или на Интерпол, если мы с ним прокручивали операции, прибыль от которых исчислялась в последнее время прямо-таки астрономическими цифрами... Мы рисковали, это верно, но зато в нашей жизни был смысл — мы работали изо дня в день только на себя и, как все нормальные люди, строили планы на будущее. Мы, наконец, собирались жить вместе. И то, что я редко подпускала Гаэля к себе, вряд ли могло послужить причиной его предательства. Пресыщение еще никому не шло на пользу, и я, как могла, объяснила это ему в свое время. У него появились знакомые девушки, с которыми он проводил уик-энды, у меня — мужчины, с которыми я проводила ночи. Гаэль томился, и от сознания этого я любила его еще больше. Он копил свою страсть, свою нежность, чтобы однажды все эти чувства, достигнув пика, достались только мне и никому более, чтобы он в полной мере смог оценить ту восхитительную свежесть ощущений, без которых немислим настоящий секс. И, как мне кажется, он понимал это...

Нет, это не Гаэль! Он слишком привязан ко мне, чтобы своими нежными руками упрятать меня за решетку. Он должен понимать, что не будет меня, не будет «МСАЛ» — этого финансового монстра, пустившего свои жирные метастазы по всему миру. Мы открыли свои филиалы в четырнадцати странах, и последний — в Эмиратах. Да никакая мировая идея не